

Владислав Городецкий

Инверсия Господа моего

18 +

Содержит
нецензурную
брань

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6
КТК 610
Г 70

Городецкий В.

Г 70 Инверсия Господа моего : [рассказы]. — М. : ИД «Городец-Флюид», 2020. — 192 с. — (Книжная полка Вадима Левенталю).

Действие рассказов Владислава Городецкого разворачивается в ближайшем будущем, но так, что читатель, немного приглядевшись, узнает в этом черном зеркале все, что его окружает в настоящем времени, — а потом, приглядевшись еще чуть-чуть, возможно, узнает себя. И содрогнется от ужаса.

ISBN 978-5-907220-48-5

© В. Городецкий, 2020
© ИД «Городец-Флюид», 2020
© П. Лосев, оформление, 2020

Содержание

Реборн	7
Сверхновая	20
Отец	52
Сергей неверующий	85
Гробик	94
Манкурт	115
Только мы с Захаркой	137
Ковчег	167

РЕБОРН

— Заднюю, будьте добры.

Вообще-то, Варя могла доехать и на машине — от Ветеранов до Героев минут десять, не больше, — но кто же знал, что предстоит визит в гости: неделей ранее продала детское автокресло через сайт поддержанных вещей какой-то милой пузатой девице — понадобились деньги. Мать, в квартире которой до своих тридцати двух лет прожила Варя, с недавних пор отказалась оплачивать покупки для Гоши — теперь ни тебе новых нарядов, ни игрушек, ни подгузников, ни — и это может показаться совсем антигуманным — детского питания. Подруга Ира, которая и ожидала Варю у себя, сказала: «Да положи его на заднее сиденье и езжай», но нет, так не делается.

Маршрутка встала неудачно — между поребриком и дверью было недостаточно пространства, чтобы поставить коляску и с земли начать движение, а если попытаться заехать с поребрика, задние колеса соскочат раньше, чем передние найдут опору в салоне. Долговязый мужчина в запотевших очках и шапке-ушанке без особого рвения

согласился помочь. Варя надавила на ручку, приподнимая переднюю часть коляски, и, когда ей показалось, что мужчина подхватил раму, потянула ручку на себя. Коляска с грохотом перевернулась. Мужчина с гримасой чужой боли так и застыл на площадке полусогнутым, приложив скрещенные руки к груди. Кто-то из пассажиров выскочил на улицу помогать нерадивой матери.

Шестидесятисантиметровое тельце в синем пуховом костюме вывалилось лицом вниз на асфальт рядом с бензиновой лужей. Варя, приговаривая «Гоша-Гошенька-мой Гошичек», подняла его и стала обдывать лицо, стряхивать налипшие на него песчинки. Стекланные глаза Гоши не моргая глядели в бесцветное низкое небо, приоткрытый в легкой улыбке рот не шевелился.

— Это что, кукла? — озвучила общий вопрос одна из теток, приводящих коляску в порядок.

Варя ничего не ответила, только прижала Гошу покрепче. Долговязый мужчина, не вполне еще переваривший увиденное, но уже сообразивший, что смятение, испуг и вина, на которые он было изошелся, оказались напрасны, громко выкрикнул:

— Ты больная?! — И добавил уже утвердительно: — Ты совсем больная!

Пассажиры бы заглядывали в коляску, чтобы повздыхать над чудовищно правдоподобной куклой, пялились бы на Варю, как на сумасшедшую, — ехать этой маршруткой было нельзя — развернулась и стала дожидаться следующей.

На последнем ролике ее видеоблога просмотров перевалило за десять тысяч, если так пойдет и дальше, канал можно

будет монетизировать. Первым делом, загадывала Варя, она сменит свою камеру ГоуПро на какую-нибудь другую, снимающую без широкоугольного искажения. Сейчас же каждый десятый комментарий про то, как «разбарабанило деваху на весь экран», и, учитывая тучность Вари, в этих комментариях было больше дельного, чем злобно-насмешливого.

В отличие от большинства блогеров, занимающихся куклами-реборнами, у Вари всегда был только один реборн — полугодовалый младенец Гоша — виниловый, пятикилограммовый, с мохеровыми темными волосами и зелеными глазами из стекла Лауша. Он был очень похож на Варю. Глядя на них, можно было подумать, что каким-то сверхъестественным образом женщина родила куклу.

Из-за аллергии матери в доме никогда не было животных. Видя, что дочери необходимо о ком-то заботиться, необходимо быть кому-то нужной, мать таскала домой то рыбок, то черепах, то улитку, но у дочери такие питомцы не вызывали теплых чувств: рыбки дохли недокормленные, черепахи зарывались в траву во время прогулок и исчезали, на улитку сама мать по близорукости и наступила. Когда же Варя, внезапно оживившаяся, стала выпрашивать круглую сумму на гиперреалистичную куклу, мать не стала противиться.

— Ты все-таки с ним? То-то так долго, — сказала Ира, пуская подругу в квартиру. — Только тс-с-с — спит.

— Ну а чего, пусть детки поиграют, — ответила Варя и чуть не потеряла равновесие, стягивая грязные кроссовки.

— Ну, Мотя-то голову еще не держит, куда ему... А твой да, может, и поиграет. — Сложно было не различить издевки в словах молодой матери, но добродушной Варе это удалось.

Двухмесячного сына Иры звали Матвеем, она представляла его Мотей и сама называла исключительно так — не солнышко, не зайка, не котенок — Мотя и точка. Ребенок был на редкость спокойным — просыпался, чтобы покормиться, и снова проваливался в сон. Ира говорила: «Столько спит, что и не знаю, какого цвета у него глаза».

В Питер Ира сбежала от матери-алкоголички полтора года назад, сняла комнату в общежитии на углу Захарова и Доблести, устроилась няней в семью с двумя детьми — дошкольником Марком и старшеклассником Вовой, диплом повара третьего разряда пришелся кстати.

Первое время разговоры со старшим воспитанником ограничивались фразой «Выруби свой рэп и делай уроки», но чужой город, одиночество и изоляция сделали свое дело — пятнадцатилетний Вова с двадцатидвухлетней Ирой стали любовниками. Мальчишка, и это понятно, растрепал о запретной связи всем одноклассникам, кто-то из них сообщил своим родителям, и осведомленность родителей Марка и Вовы стала делом времени. Тихо, без скандала и унижительных разговоров, Ира была уволена. Отец семейства, кажется, остался вполне доволен сыном и зла на молодую няню не держал.

В следующий раз они встретились в торговом центре, когда Ира была на шестом месяце беременности. «Наш?» — «Ваш». Мамаша попыталась обвинить Иру в расчетливости и меркантильности, но картина не складывалась — если бы не эта случайная встреча, положение оставалось бы тайной для их семьи.

— Почему не аборт? — спросил отец.

— Это был бы третий, я побоялась.

После их визита в общежитие было принято решение снять Ире однокомнатную квартиру где-нибудь поблизости. «Но это не значит, что мы будем содержать тебя вечно. Полгода-год, не больше».

К концу беременности Ира усиленно занималась хозяйством — намывала полы по три раза в день, перестирывала вещи, двигала мебель, даже удосужилась помыть окна, — все ради того, чтобы ускорить наступление родов. С появлением в квартире младенца о былом порядке остались только воспоминания. Ира боялась отлучиться от ребенка даже в туалет — таскала за собой люльку, о полноценной уборке в таких условиях нечего было и думать. А тут еще Варя, как специально, прикатила с коляской грязь и палые листья.

Вообще, Варя была даже симпатична Ире своей наивностью и простосердечностью, но к некоторым ее странностям трудно было привыкнуть, да и пока не успелось: пара-тройка совместных прогулок, переписки в соцсетях и один уютный телефонный разговор — вот и все приятельство. Познакомились, когда Варя продавала пеленальную доску. За вежливое обхождение Ира получила в подарок игрушки для Моти и кое-какую одежду, взятую реборну не по размеру.

— Тут у меня банк молока — всю неделю копила, — сказала Ира, показывая на верхнюю полку холодильника. Три несчастных стаканчика по сто миллилитров выглядели одинокими.

— А как же кашки-пюreshки? — спросила Варя, легко подбрасывая на предплечье куклу Гошу.

— В два месяца? Ты в адекватате?

Ире предстояло пройти собеседование в крафтовую булочную в центре города, но она претендовала отнюдь не на должность повара — отец Вовы отрекомендовал ее как девочку в декрете, готовую удаленно вести инстаграм компании. На вопрос, сможет ли он или его супруга посидеть с внуком на время собеседования, Ира услышала: «Ну, это уже наглость». Кроме странноватой подружки обратиться было не к кому.

Мотя во сне стал размахивать руками и сам себя разбуждал. Невидящим спросонья взглядом он вперился в потолок между двумя нависшими головами, и его нижняя губа мелко-мелко задрожала.

— Какой смешно-ой!

— Да вообще! Ему надо в стендапе выступать! — сказала Ира, поднимая ребенка из кровати. — «У вас так бывало? Сосешь такой грудь, а потом вдруг понимаешь, что это твой палец!»

Варя растерянно улыбнулась. Было неясно — то ли она не поняла шутку, то ли вовсе не знала, что такое стендап.

— Поменяешь ему подгузник? Я не собралась толком...

— Конечно! — ответила Варя, укладывая куклу Гошу в теплую еще кроватку. — Поспи пока, сыночек.

Ира не сдержалась и скривила рот.

Младенца Варя приняла аккуратно, придерживая его голову, подцепила с комода влажные салфетки и сухое по-

лотенце, локтем поправила пеленальную доску. С подгузником она справилась безупречно — сказывался опыт. Ира поглядывала на нее, с удовлетворением отмечая правильную последовательность и точность действий.

— Бодик поменять? Он влажный у ворота.

— Да-да, срыгнул, наверное.

— Можно я понюхаю?

— Да что там нюхать, — скрывая замешательство, ответила Ира, — пахнет как кефирчик.

С тяжестью на сердце Ира покидала дом. Она оставляла ребенка впервые, и на мгновение ей даже почудилось, что без нее он может разучиться дышать. Всю дорогу она разглядывала фотографии Моти на телефоне, смотрела видеозаписи с ним, даже порывалась поцеловать экран.

Младенец впивался в бутылочку и кряхтел. Он пытался нашарить грудь, но находил то плечо, то шею Вари, старательно мял их, отрывался от бутылочки, чтобы отдышаться, и ронял крошечную, размером с грейпфрут, голову то в одну сторону, то в другую. Голова ощущалась в руках отдельно от тела, как еще не приложенная деталь. Так оно, в сущности, и было. Варя разглаживала пух его волос, забывалась, ловила себя на мысли «как настоящий» и поправляла себя: «настоящий». Под тонкой кожей на родничке пульсировало сердце, оголенное, незащищенное, неприкрытое костью. Варя с опаской, но неудержимым интересом касалась родничка — битый бок яблока, надави, и выступит мякоть.

«Почти на месте. Что делаете? Пришли, пожалуйста, фотографии».

Разложив на полу игровой коврик и застелив его пеленками, Варя выложила поверх два тельца. Мотя и Гоша игнорировали друг друга. Варя поместила каждому в руки по погремушке и сделала портретный снимок, затем легла между ними и сделала селфи.

От собеседования, начавшегося словами «У вас, случайно, не дислексия?», ничего хорошего ждать не приходилось.

— Слово «рецепт» вы пишете три раза, и все три раза по-разному, — прокомментировал тестовое задание холерный менеджер, вчерашний студент.

— Вы позвали меня, чтобы поиздеваться?

— Просто предупреждение. Включите проверку орфографии и все. Договорились?

Под складную речь об ответственности за имидж компании Ира ерзала на стуле и тайком поглядывала на часы. Несимметричные груди набухали и мокли, еще чуть-чуть и молоко выступило бы сквозь блузку. За восемь тысяч в месяц она обещала выпускать по публикации в день, проводить рекламные кампании и накручивать подписчиков. После собеседования Ира чувствовала себя обманутой и оплеванной.

— Я снимаю этих красавцев для блога?

— Пожалуйста, нет, вдруг сглазят... Я у метро. Как там Мотя?

— Мы покакали, подмылись, сейчас будем одеваться. Гоша сидит ревнует.

— Ничего, потерпит.

Ваткой, обильно смоченной растительным маслом, Варя прошла по складочкам младенца. Кожа была ему будто

не по размеру, как выданная на вырост. Ступни тоже были в мелких складках, словно вылепленные из теста. Варя подумала было, что, если бы увидела такие у реборна, сочла бы браком или халтурой.

Она подняла Мотю к своему лицу, оттопыренными большими пальцами придерживая его подбородок, — заглянуть в глаза, узнать все-таки их цвет. Ребенок зажмурился и присосался к Вариной щеке, приняв ее за грудь. Оглянувшись, как если бы в комнате кто-то был, Варя задрала майку и бюстгальтер и приложила к себе младенца. Ощущения были удивительными и странными, нежность смешивалась с возбуждением. Свободной ладонью она коснулась себя ниже живота, но ко всему прочему примешался стыд, и Варе пришлось себя одернуть. Когда Мотя почувствовал подвох и стал расстраиваться, что, прилагая столько усилий, не получает ничего, Варя достала из термосумки бутылочку. Недопив отмеренную ему порцию, ребенок заснул.

— Гошенька, и тебе чуть-чуть осталось. Попробуй молочко тети Иры.

Последнее Ирино сообщение было прочитано, но повисло без ответа. На звонки Варя тоже не отвечала. Укладывается спать, нечего накручивать, — уговаривала себя Ира, но тревога только нарастала. Телефон дрожал в руках, как после недельного запоя, казалось, это было заметно всем попутчикам. Автобус лениво волочился по Ленинскому проспекту, на каждом светофоре попадал под красный. По стеклам струилась вода. Заканчивался второй месяц зимы, а снег в Питере так и не появился.

Гоша молчаливо требовал внимания. Он сидел на пеленальной доске и смотрел прямо перед собой, во взгляде чувствовалось осуждение. Ему не нравилось, что мать не выпускает из рук чужого ребенка. Варя наклонилась к нему, поцеловала в лоб, но тут же подняла за оттопыренную коленочность, как вещь, и опустила в кроватку. Ей уже приходилось так поступать, когда положение было неудобным или руки были чем-то заняты, но на камеру, разумеется, она бы никогда этого не сделала.

Окна в доме напротив светились битыми пикселями — желтыми, красными, бирюзовыми. Варя погасила большой свет и включила ночник. Мотя посапывал и похрапывал, как мелкая зверушка, прижимаясь к теплomu чужому телу. Погрузившись глубже в сон, он раскинул ручки и смолк. Его дыхание замедлилось и стало неразличимым, даже грудная клетка будто перестала сокращаться. Так Варе было еще привычнее. Видимо, зря она стеснялась своего занятия вне интернета, ведь случись ей стать матерью, она будет к этому готова, и, уж конечно, зря она боялась встречаться с другими блогершами и их реборнами, ведь это, в конце концов, поднимет просмотры, а там, глядишь, детские бренды предложат сотрудничество, и больше не придется выпрашивать у матери каждую копейку. Эти мысли стихли, а другие совсем не просились в голову, умиротворение растекалось по телу, журча под ключицей и в животе. Через какое-то время Варя и вовсе забыла, что, а точнее, кто покоится на ее руках. Наверное поэтому, да, должно быть поэтому, когда Мотя вскрикнул и дернулся всем телом, она сама испуганно вздрогнула и разомкнула руки.

Первым пола коснулся затылок ребенка, затем ножки, перекидываясь через голову, а потом он весь завалился набок, но дребезжащий крик, начавшийся до падения, еще долго не утихал.

* * *

Дверь в квартиру была не заперта. Ира обмерла, обвалилась на нее, повисла на ручке и иступленно ударилась головой о металлический наличник. Удар этот привел ее в чувства, и, глубоко вдохнув, она вошла.

Свет горел повсюду. На полу в прихожей остались грязные следы от колес Вариной коляски, самой коляски в доме не было. Не разуваясь, Ира побежала в комнату, бросилась к детской кровати и встретилась взглядом с куклой. Сердце еще по инерции бешено колотилось где-то в горле, но, как бы предчувствуя успокоительную догадку, замедлялось, отступало на место.

— Гоша, почему твоя шибанутая мать не берет трубку?

Ира знала за подругой многие странности, помимо самой очевидной, например, та не проработала ни дня в своей жизни и даже не пыталась получить какую-нибудь специальность — преспокойно оставалась на иждивении престарелой матери, или вот — постоянно покупая своему реборну новую одежду, сама она месяцами ходила в одном и том же, или вот еще — целуя при встрече или на прощание, она всегда норовила попасть в самые губы — да много подобного можно было заметить за Варей, но чего точно в ней не было, так это жестокости и злонамеренности, у нее не могло воз-

никнуть и мысли о том, чтобы украсть чужого ребенка. Да и потом, разве оставила бы она своего ненаглядного Гошу? Вышли прогуляться, это же очевидно. Вышли прогуляться в парк и, скорее всего, заплутали. И опять Варя притащит комья грязи, и надо бы, ну конечно, хотя бы слегка прибраться, пока есть время, пока есть такая редкая возможность.

Ира подставила швабру под теплую струю, съемная губка была окаменевшей, пришлось долго разминать ее пальцами. Когда пол в прихожей и коридоре был вымыт, Ира сделала звонок — «Абонент отключен или находится...» — просто села батарея, весьма некстати, но всякое случается, особенно у таких оторванных от жизни людей, как Варя. В комнате после подружки остался беспорядок — разбросанные повсюду игрушки, смятые пеленки на полу, банное полотенце на Ириной кровати, рядом с комодом лежал незакрытый подгузник с зеленоватым калом. Ира разложила все по местам — что на полки, что в мусорный пакет, что в корзину для белья. Корзина, впрочем, тут же переполнилась, поэтому ее содержимое отправилось в барабан стиральной машины. Ира снова вернулась со шваброй и принялась мыть пол. Во все углы забились ее волосы, которые с недавних пор стали выпадать в жутких количествах, но на форумах обещали, что через полгода все вернется в норму. Затем, вспомнив, что этим или прошлым утром в холодильнике слышала запах гнили, направилась на кухню. И действительно, в овощном отсеке, на самом дне, за здоровыми огурцами прятался подгнивший, а на нижней полке за банками с вареньем, оказалось, скрывался стаканчик сметаны, купленный еще до ро-

дов. На дверце холодильника и на кухонном гарнитуре Ира обнаружила жирные пятна, которые раньше не замечала. Она сделала звонок — телефон отключен — и принялась оттирать всю кухонную мебель, с которой управилась не более чем за двадцать минут. И надо было бы, наверное, звонить в полицию, выходить на улицу, брать такси и ехать к Варе на Ветеранов, но Ира вспомнила, что на гладильной доске в прихожей лежит огромная куча неразобранных стиранных вещей. Сейчас заниматься гладкой Ира, конечно, не станет, да и далеко не все вещи того требуют, но рассортировать их, разложить по полкам — минутное дело.

Придирчиво оглядев прибранную квартиру, Ира заметила в спальне высохшие листья у растений в горшках, оборвала их, собрала в мусорный мешок. Затем подошла к кроватке сына, не взглянув на куклу, извлекла ее и отправила туда же — к листьям, пропавшим продуктам, грязным подгузникам и салфеткам. С огромным черным мешком Ира вышла из дома ближе к полуночи, но, сделав несколько шагов, упала в обморок.

СВЕРХНОВАЯ

Сверхновая не взорвалась. По крайней мере, небо в окне было все тем же, что и всегда, но я не особо рассчитывал что-то увидеть в небе — куда досаднее было не обнаружить никаких новостей в сети. Товарищ-пес по кличке Рой, подручный биоиндикатор, тоже не выказывал странностей в поведении — храпел на соседней подушке, пользуясь отлучкой хозяйки.

Я сходил на кухню, отпил воды из графина — пролил несколько холодных капель на голую грудь, по привычке заглянул в холодильник — не заметил ничего, что захотелось бы немедленно съесть, и вернулся в спальню будить пса.

На подушке уже лежала задница Роя, голова была обращена в сторону двери. Он открыл один глаз, поводит им за мной, закрыл.

— Вставай, вставай! — сказал я и потрепал его уши. Реакции не последовало.

— Подъем! — я хлопнул пса по заду.

Рой открыл вечно печальные глаза, его хвостик задержался. Он ткнулся головой в матрас, демонстрируя него-

товность расставаться со сном. Я потянул простыню, и ему пришлось сползти с кровати, чтобы не шлепнуться на пол.

Красный сверхгигант Бетельгейзе удален от Земли на шестьсот сорок световых лет, утешал себя я, заваривая кофе, звезда могла действительно взорваться, просто информация о взрыве еще не дошла до человечества. Логично, но неубедительно.

Вот уже двадцать пять лет я живу в постоянной готовности прозреть нечто потустороннее, но реальность — дама целомудренная — не желает обнажаться, не задернув шторы, не прикрыв замочную скважину. Ее немногочисленным любовникам, догадываюсь, открывается многое, но я не то роплюсь в их ряды — после такой связи нормальным уже не останешься. Все или ничего — без полумер.

Сверхновая не взорвалась. Я ковырял яичницу, нехотя сознавая, что предутреннее видение было обыкновенной галлюцинацией в быстрой фазе сна. Рою снится, что он гонится за зайцем или белкой — он поскуливает и двигает лапами, мне снится смерть звезды Бетельгейзе. Оба мы просыпаемся на Юго-Западе Петербурга в темной квартире на одиннадцатом этаже — один от хлопка по заду, другой от взрывной волны.

Рой покорно ждал, пока я расправляюсь с завтраком. Увидев, как я тянусь за поводком, возбудился, запрыгал. Предыдущий поводок он перегрыз в секунду, стоило не вовремя дать прикурить прохожему. Жена, Маша, купила этот — розовый, только дома обратила внимание на цвет. Теперь соседи постоянно спрашивают, девочка ли Рой. Да

у него же достоинство до земли и яйца — каждое с кулак! Но со стороны, наверное, это действительно выглядит странно — гуляют два мужика, один ведет другого на розовом поводке.

Едва мы спустились в парк, пришло сообщение от Насти Поляшовой. Я открыл его и замер на одной ноге, с занесенной для шага второй. Реальность оголила плечо и лукаво подмигнула.

— Спасибо, — сказал я в никуда.

Настя Поляшова была начальницей отдела в новгородском дизайнерском бюро. Бюро занималось всеми видами графического дизайна от рекламных баннеров до книжных иллюстраций. В ее подчинении было десять специалистов. Поляшова любила свою работу и гордилась ей.

Ее супруг был программистом. Мне точно неизвестна специфика его работы, могу только перечислить плоды — квартира, купленная в тридцать два года, Ленд Ровер в личное пользование, Хендай Сантафе — в подарок Насте, медовый месяц в Цюрихе, ежегодный отпуск в классических и экзотических местах. Я не заглядываю в чужой карман, как может показаться, просто не понимаю, за какие труды могут так замечательно платить молодому человеку. С Настей они сошлись на митингах «за честные выборы», когда оба были еще студентами. Он был откормленным белобрысым юношей, краснеющим и бледнеющим в женском обществе, она...

Я смотрел старые фотоальбомы Поляшовой, уверен, мужчины не баловали ее вниманием ни в школе, ни в ин-

ституте, а когда красота оформилась и Настя научилась ею пользоваться, на нее стали заглядываться мужчины привлекательнее, моложе и умнее ее супруга. Желание изменить ему появилось раньше объекта для измены.

В начале лета восемнадцатого года в бюро потребовался новый сотрудник. Поляшова сама нашла резюме, сама провела собеседование. Эдик обладал манерами девственника и взглядом эротомана. Конкурс на вакансию свернулся после разговора с первым же кандидатом.

Вместо классического портрета предлагаю описание странички Эдика. На аватаре — студийный снимок: молодой человек глубокомысленно держится за подбородок, глядя в объектив; он в темных джинсах и черном пиджаке, волосы убраны набок; слегка полноват, губы девичьи, брови роскошны. Полит. предпочтения: либерализм; мировоззрение: пастафарианство; деятельность: фотограф, дизайнер; музыка: разная; книги и цитаты опустим. Постоянный читатель пабликов: «Дзен», «Как я встретил столбняк», «Лепра», «МХК», «Другое кино», «Типичный Творческий», «WORKOUT & FITNESS» и пр. Как по мне, отличный получился портрет, из первых уст, ничего лишнего.

После очередной ошибки в оформлении рабочей документации Настя сделала Эдику выговор — можно сказать, письменный — в мессенджере. С этого начались затяжные переписки. О том, что интерес Поляшовой носит нерабочий характер, Эдик догадался поздно — после сообщения: «Сегодня с мужем я представляла тебя. Первый оргазм за два года».